

Воспоминания Александра Суровцева о войне

В связи с уплотнением программ, отменой стипендии и вводом платного обучения многие студенты покинули стены техникума, разъехались. В мае 1942 года — призыв в армию. Началась нелегкая (мягко говоря) армейская жизнь: учения, учения... батальонные, полковые, дивизионные. Осенью 1-2 раза в неделю, ночами, — учебная тревога. При полном боевом снаряжении, быстрым ходом нужно было по едва заметной тропинке болота дойти до деревушки, что находилась от части за 12 км. Чуть собьешься с тропы, — в болоте по самую «пятую точку». Возвращаясь в казарму, солдаты валились с ног от усталости.

По завершении курсов младших командиров — присвоение звания младшего сержанта, далее — вступление в комсомол, многочасовые пешие переходы с полной боевой выкладкой. Волховстрой — Ленинград и дальше — к линии фронта. Раненые, убитые, заживо замерзшие за ночь в 35-градусный мороз. Первый прорыв блокады Ленинграда, Синявские болота, тыл противника, мороз, глубокий снег, обледеневшие валенки, нескончаемые бои и... ранение в руку. Поскольку в Ленинградском госпитале, куда привезли, оказывали помощь в первую очередь раненым в живот или голову, Александр попал на первую перевязку лишь на шестые сутки после ранения, начиналась гангрена...

После операции, — вспоминает больничные будни Суровцев, — взялся, было, самокрутку изготовить: раз, другой, третий, — не выходит, и всё тут! Мысли полезли в голову жуткие: стоит ли жить, если ничего не умеешь? Глаза застилают непрощенные слезы. Война... Она выбила рывком из седла, оставив жизнь, но... лишила кисти руки. Горько, ох, как горько саднила душа! Да... жив-то жив, только как жить без руки? Но вот перенесли в палату выздоравливающих, ходячих. Смотрю: у одного мужика правой руки по плечо нет, левой — по локоть, а он ходит — песни поет! Подсаживается ко мне на кровать, спрашивает: «Чего ревешь?» «А ты чему радуешься?» — Вопросом на вопрос. «Тому, что живой». «А что ты можешь делать? Ложку держать не можешь, штаны одеть — тоже». «Ну и что? Покормят, буду жить, женюсь!»

«Кто за тебя пойдет?» «Пойдут!».

Вот он — русский характер! Как же так? — размышлял Саша. — Он думает жить без рук, тогда как себя обслужить не может, а я ложку держу и другому, глядишь, научусь. Ну, что ж, поживем — увидим, если ж будет невоготу... С такими невеселыми мыслями и коротал зимние вечера, если они выдавались свободными, вчерашний фронтовик в Щельяюре, которого по прибытии неожиданно-негаданно «определили» на должность преподавателя судоводительских дисциплин в ремесленное училище. И потекла теперь уже совсем другая, но также насыщенная до предела жизнь.

Возвращаясь к тому периоду времени, Александр Семенович отмечал, что среди проходивших практику на пароходах летом в качестве кочегаров были и молоденькие девчушки. Для 14-15-летних это был адский труд.

Наглядных пособий в училище не было, приходилось делать самому. Редко когда отдыхали в выходные дни: то дров не хватает — впрягаются сами (лошадка всего одна была — не успевала) и едут на заготовку топлива, рубят прямо с корня, разделявают, доставляют к печам; то сено заготавливают, веткорм колхозу возят. За учебой, за работой прошло незаметно время, и наступил долгожданный радостный праздник — День Победы над фашистской Германией.